

4. МНЕНИЯ О СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Л. П. КАРСАВИН

<А. С. Хомяков. Фрагменты>

«Церковь осуществляет в жизни познание Бога, т. е. догмат, и жизнь возводит в догмат, но эта жизнь есть ее жизнь, этот догмат есть ее мысль, тожество их в самосознании Церкви». — Так писал Ю. Ф. Самарин, повторяя идею А. С. Хомякова, которого можно и должно назвать его учителем*. Именно А. С. Хомяков с необычайной ясностью и действенностью выдвинул и с несокрушимой диалектической силой развил учение о единстве Церкви, не позволяющее разрывать догму и жизнь. Но Хомяков же, усматривая последнее и несомненное обоснование истины в «живознании» или *вере*, возможной лишь в Церкви, отстаивал и права человеческого искания. «Человек, — писал он Самарину, — не имеет права отступить от требований науки. Он может от утомления закрыть глаза, насильно наложить на себя забвение, но последующий за этим мир есть гроб повапленный, из которого не выйдет никогда ни жизни, ни живого»**. Христианин *должен* стать живым членом единой и единственной Православной Церкви. Он должен как бы осуществить эту Церковь в себе, что совершается, конечно, ее же благодатью в его свободе. Но осуществление Церкви столь же есть дело жизни, сколь и дело познания. И если сейчас мы, утраченные «одинадцатым гонением», действительно хотим спасти — не Церковь, разумеется, ибо ее не одолеют не только люди, но и сами врата ада, но — самих себя для Церкви, если мы хотим уберечь себя и русский народ от ослепления и гибели в крошечной тьме бесцерковности, — мы должны оцерковляться, т. е.

* Под влиянием главным образом Хомякова Самарин коренным образом переработал свою диссертацию о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче. См.: *Завитневич В. З.* А. С. Хомяков. Киев, 1902. Т. I. Кн. 2. С. 996 сл.

** Сочинения А. С. Хомякова. Т. VIII. С. 259.

осуществлять в себе церковное и, значит, Божье не делом одним а еще и мыслью, без коей нет и дела. <...>

Церковь зовет нас к постижению ее догм и ждет от нас этого постижения, ибо без него не полна наша церковная жизнь. Она указывает нам и путь наших свободных исканий в освоении ее учения и предания, остерегая от внецерковных, инославных и субъективных поисков и традиций, связуя истину с жизнью в ней, в Церкви, — с таинствами, культом и доброделием. Едва ли надо настаивать на том, что сейчас особенным значением обладает учение о самой Церкви, — наименее догматически разработанное и уже подвергаемое сомнительным или еретическим толкованиям. Вселенскую догму о Церкви может полнее разъяснить только сама Вселенская Церковь. Обязанность же каждого из нас стремиться к осмыслению Православной догмы, т. е. установленного непререкаемо, и к исканию вселенского в церковном предании. И здесь перед нами прежде всего встает предание нашей Русской Церкви, т. е., вернее, — Православное вселенское Предание в понимании его Русской Церковью. Это предание должно быть основой и началом всех наших индивидуальных исканий и размышлений. И его попытался выразить А. С. Хомяков. Кто же такой этот отставной штаб-ротмистр, которого Ю. Ф. Самарин решил назвать «учителем Церкви», что встречает некоторое сочувствие в среде русских иерархов? и каково его отношение к преданию Церкви?

К великому стыду русских людей, надо сознаться, что они злобно, хотя, может быть, большею частью бессознательно, замолчали и основательно забыли Хомякова. Произведения его не читаются, за исключением некоторых стихотворений патриотического характера, попавших в хрестоматии. Его «Семирамиды», во многих отношениях замечательного обзора всемирной истории, его исторических, философских и публицистических статей, писем и заметок не знают.

К. Н. Бестужев-Рюмин, которого нельзя заподозрить в склонности к преувеличениям и увлечениям, писал, что «стыд и срам русской земле, что до сих пор в Москве Собачья Площадка, где жил Хомяков, не зовется Хомяковской, и не стоит на ней его статуя. Хомяков! да у нас в умственном развитии равны с ним только Ломоносов и Пушкин!»^{*1}, но где уже нам вспоминать о словах Бестужева, раз нам нужно помнить о Добролюбовых, Чернышевских, Шелгуновых и Елисеевых? Много идей,

* *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. С. 236, 286. Цитирую по названной выше книге Завитневича (Т. I. С. 656).

высказанных Хомяковым, вошли в состав русского исторического, философского и богословского мирозерцания, потеряв связь с его именем. Кто помнит, что Хомяков впервые выдвинул живознание и веру как высшее основание истины, что он всегда отстаивал значение непосредственного восприятия, которое можно назвать и «интуитивизмом»? Его помнят как чудака славянофила, смущавшего обывателей своей мурмолкой, и, отождествляя славянофильство с известным из вторых или третьих рук И. С. Аксаковым, полагают, что Хомяков отрицал всякий национальный смысл деятельности Петра Великого, отвергал необходимость «прогресса» и неумеренно превозносил русскую старину. Из него делают ура-патриота, ради этого даже забывая об известном его стихотворении к России:

Но помни: быть орудьем Бога
 Земным созданьям тяжело;
 Своих рабов Он судит строго, —
 А на тебя, увы, так много
 Грехов ужасных налегло.
 В судах черна неправдой черной
 И игом рабства клеймена,
 Безбожной лести, жли тлетворной
 И лени мертвой и позорной
 И всякой мерзости полна!
 О недостойная избранья,
 Ты избрана. Скорей омой
 Себя водою покаянья,
 Да гром двойного наказания
 Не грянет над твоей головой!²

Хомяков, этот замечательный диалектик, чему, как засвидетельствованному Герценом, приходится поверить, был славянофилом, а славянофильство — вариант немецкого романтизма и шеллингианства. Если Хомяков опровергал Гегеля, так только потому, что исходил из Шеллинга. Такова ходячая схема. Она не очень хорошо согласуется с отзывами самого Хомякова, которого подозревать в неискренности, самолюбии и безотчетности нельзя, о германской философии в целом и о Шеллинге в частности. С Шеллингом Хомяков лично познакомиться стремился, желая узнать, «может ли он понять христианство»; познакомившись же, утвердился, что он и Неандер — «решительные шмерцы». Так же, как и родственник Хомякову по своим устремлениям Ф. И. Тютчев, Хомяков ясно видел водораздел между Шеллингом и христианством.

Если даже допустить обычное объяснение генезиса славянофильства, являющееся не чем иным, как ученическим при-

менением квазиисторического объяснения, которое доныне господствует в европейской науке, остается без ответа весьма существенный вопрос: почему славянофилы близки именно к немецкой романтике и к Шеллингу? Где начало «избирательного сродства»? Впрочем, я ошибся, — такой вопрос не только остается без ответа, но даже и не возникает. И это вполне естественно, ибо «историческое» или «генетическое» объяснение понимает все как арифметическую сумму или механический агрегат «влияний». «Влияния» отыскиваются, а то, что испытывают их, — исчезает, вместе же с ним исчезают (конечно, только с поля зрения «историка») все новое, самобытное, всякая возможность органического развития. Современный исторический метод является методом борьбы «с самопроизвольным зарождением», методом отрицания нового и творческого, в конце концов — перенесением в область человеческой жизни самых грубых форм дарвиновского эволюционизма. А так как занимаются подобными объяснениями люди, по большинству философии не понимающие и даже философских книг не читавшие, все выходит по видимости очень ясным и гладким. А что, если дело обстоит несколько иначе? Ведь не лишено вероятий такое, например, построение. Еретическая, т. е. разлагающая себя, мысль Запада подошла, и преимущественно в протестантизме, как ереси в известном смысле предельной, к самоуничтожению. Но именно благодаря этому она в романтизме и главным образом в шеллингианстве была неудавшейся попыткой Запада вернуться в православие, ему неведомое, но до некоторой степени им предугадываемое. Естественно, что одновременно (и не случайно одновременно) возрождавшееся православное самосознание русских людей сочувственно откликалось на обращение Запада к Истине и осваивало восполнявшие русский ее аспект западные аспекты.

По мысли Хомякова, в древней Руси «стихия народная не враждовала с общечеловеческим даже тогда, когда общечеловеческое приходило к нам с клеймом иноземным», но после Флорентийского собора 1439 года, после засилия латинства в Польше и явно обнаружившейся в Швеции, Прибалтике и Польше ненависти к русскому, естественно разразилась борьба русской стихии с европеизмом. «Борьба 1612 года была не только борьбой государственной и политической, но борьбою духовной. Европеизм с его злом и добром, с его соблазнами и истиною, являлся в России в образе польской партии. Салтыковы и их товарищи были представителями западной мысли»; и еще теперь одному из их потомков кажется, будто вся беда России в том,

что в ней не воцарился королевич Владислав. Это были люди «нравственно низкие» и «изменники». Но и то и другое — «только историческая случайность... В сущности же их направление, произведенное случайным ожесточением народного начала, стеснявшего свободу мысли человеческой, было не совсем неправо». Потому оно и сохранилось. «Худшая сторона его выражалась в таких людях, как развратный беглец и клеветник Котошихин, или как Хворостинин, который говорил, что “Русский народ так глуп, что с ним жить нельзя”; но лучшая сторона того же требования находила сочувствие в лучших и благороднейших душах. Нет сомнения, что оно *должно было получить со временем свои законные права* — быть может, оно должно было впасть в крайность, потому что вызвано было противоположной крайностью».

И действительно, победив в Петре, «одном из могущественных умов», в Петре, который «ударил по России как страшная, но благодетельная гроза» и «пробудил» Россию к силе и к «сознанию силы», западничество от крайности не удержалось. И таким образом «совершился в России... разрыв» целостности ее культуры*.

Хомяков вовсе не отрицает великих ценностей западной культуры, хотя и ясно видит, что в ней «душа убывает». Он учитывает пользу, неизбежность и естественность увлечений западной культурой: такова необходимая судьба годов ученичества. Но он не закрывает глаза и на отрицательные стороны процесса, резко и глубоко критикует современное ему преклонение перед немецкою образованностью. Он настаивает на том, что пора кончить ученичество и обратиться к *органическому* процессу, который *не отрицает всего чужого, но исходит из своего*. Просвещение, «перенесенное как готовый плод, как вещь, как формула из чужой стороны... не понимает ни жизни, из которой оно возникло, ни своей зависимости от нее; оно вообще ни с какой жизнью и ни с чем живым сочувствовать не может. Ему доступны только одни результаты, в которых скрывается и исчезает все предшествовавшее им жизненное движение». Ведь и «Запад создан не наукой, а бурной и треволненной историей... Это, конечно, говорится не в попрек, а в похвалу». Заимствуемое Россией у Запада просвещение на Западе органично, хотя уже и обнаруживает симптомы упадка, у нас же — только «сухая формула». Плоды западнической умственной де-

* См.: Соч. Т. I. С. 155 сл., 180 сл. Подобное изложение и цитаты у Завитневича: Т. I. С. 719 сл.

ятельности русских людей после Петра «легко упрячет любой немец в какую-нибудь карманную книжку» *.

«Истинное просвещение есть разумное просвещение всего духовного состава в человеке или народе», т. е. религиозное, православное просвещение. И оно-то и есть «тот живой корень, из которого развиваются и наукообразное знание и так называемая цивилизация или образованность; она сама есть жизнь духа в ее лучших и возвышеннейших стремлениях. Просвещение есть общее достояние и сила целого общества и целого народа. Этой силой отстоялся русский народ от многих бед в прошлом, и этой силой будет крепок он в будущем... Русское просвещение — жизнь России **.

Похожи ли эти слова на buku-славянофильство, которую русские западники еще донныне пугают своих младенцев? Наивны ли они? Скажу больше — оспоримы ли они, если взять их в общей форме? Конечно, их не могли и не могут отвергнуть и опровергнуть никакие западники. Оспаривание их возможно только путем доказательства того, что русский народ никакой самобытностью не обладает, что он — «народ исторический», а история его какое-то дьявольское наваждение. Разница между западниками и Хомяковым заключалась в следующем. — Хомяков и в русском настоящем (даже в 40-е и 50-е годы) усматривал «живую личность русского народа, через которую единственно делается нам доступным человечество, ибо помимо ее человечество есть только идея отвлеченная, или числительное скопление личностей» ***, «интернационал», как мы бы сказали теперь. Он ощущал ценность и значение этой личности, и потому, что сам был стихийный, кондовый русский человек, и потому, что сознавал связь русского народа с Православной Вселенской Церковью, которая по обетованию Христа не погибнет. западники были слепы и глухи и к православному и к русскому, т. е. не были подлинно русскими и православными людьми, а... западниками, либо, латинствующими, либо неверующими.

Случилось так — не будем говорить почему, — что западники победили, им удалось «европеизировать» самое русскую государственность, доведя ее до идеально сухой формулы коммунизма. Бороться с Хомяковым и его традицией они не могли, ибо за Хомяковым была правда, но они могли обессиливать питавшую его идеи среду приманкою своей «сухой формулы» и

* Там же. С. 47 сл. 181 сл.

** Там же. С. 26 сл.

*** Там же. С. 76 сл.

могли его и его продолжателей осмеять и замолчать*. Единственный и естественный союзник Хомякова, православный русский народ, указанными уже условиями исторического развития был поставлен в невозможность бороться с баринoм-интеллигентом иначе как путем пассивного сопротивления и — к великому нашему сожалению — бунта. «Народ крепко держался за свою старину... Общество, прислушиваясь к голосу своих передовых людей, употребляло умственные силы на борьбу с невежеством, на изучение Европы, а народ все более и более отклонялся от него, не сознавая ясно, что за кажущимся невежеством кроются настоящие живые силы»**.

* Не обошлось дело и без... худшего. — Насаждавший в русской историографии германский родовой быт С. М. Соловьев дает единственный отрицательный и всею совокупностью наших сведений обличаемый как ложный и пристрастный отзыв о Хомякове. Я приведу его, чтобы пояснить, как некоторые «русские» люди могли ответить на приведенные выше слова Бестужева-Рюмина. — «Хомяков низенький сутуловатый, черный человечек, с длинными черными косматыми волосами, с цыганской физиономией, с дарованиями блестящими, самоучка» (X. учился у некоторых профессоров Московского университета, у П. С. Щепкина, Мерзлякова и др., был вольнослушателем Московск<ого> университета и сдал экзамен на степень кандидата математических наук; обширные и глубокие познания X. по лингвистике, истории, философии едва ли нуждаются в подтверждении), «способный говорить без умолку, с утра до вечера» (видимо, справедливо) «и в споре не робевший ни перед какой уверткой (?), ни перед какой ложью: выдумать факт (?), процитировать место писателя, которого никогда не бывало» (все другие отзывы говорят о противоположном) «— Хомяков и на это был способен. Скалозуб (??) прежде всего по природе, — он готов был всегда подшутить над собственными убеждениями, над убеждениями приятелей. Понятно, что в нашем зеленом обществе, не имевшем средств оценить истинное знание» (С. таким образом оценил ложность ссылок и цитат X. задним числом), «добросовестности и скромности, с последним неразлучных, Хомяков прослыл гением; это вздуло его самолюбие» (требует подтверждения), «сделало его раздражительным (?), неуступчивым, завистливым» (?), злым (?)» (Из неизданных бумаг С. М. Соловьева // Русский вестник. 1896. Апрель. С. 6 сл.; цитовано Завитневичем (Т. I. С. 5 сл.). Отрицательное и несправедливое отношение к Хомякову в семье Соловьевых, как видно из обвинения Хомякова Вл. Соловьевым в «шаткости исторических представлений», видимо, наследственно См.: *Завитневич*. Т. I. С. 2, 1123, примеч.

** *Бестужев-Рюмин К.* Теория культурно-исторических типов. Перепеч. во II издании «России и Европы» Н. Я. Данилевского. 1889. С. 560.

Итак, А. С. Хомяков основательно забыт. Но надо вспомнить духовный облик этого человека, одного из гениальнейших русских людей. Он был цельным человеком, поражающим разносторонностью своей кипучей деятельностью, вопреки его прославленной «лени». Страстный охотник, великолепно разбиравшийся во всех тонкостях спорта, сельский хозяин, изобретавший какие-то новые сельскохозяйственные машины и изыскивавший новые способы «накатывать» зимнюю дорогу, он увлекается и медициною — ведет ожесточенную борьбу с холерой. Он пишет и составляет проекты наиболее разумного освобождения крестьян и реформ в судопроизводстве, старается установить правильное понимание русской общины. И он ведет со своими друзьями действительно бесконечные споры по истории, философии, богословию, языковедению и т. д. Под его воздействием развивается Ю. Ф. Самарин. Его знаниям «завидует» Погодин. Ибо Хомяков, конечно, не ученый специалист, но он и не дилетант. Можно теперь смеяться над многими его этимологиями, над превращением англичан в славян угличан. Но не следует забывать, что современные ему ученые лингвисты в этом от него не отличались. Почему ученому Костомарову можно простить его теорию происхождения славян русских, а Хомякову нельзя? Конечно, знаменитая «Семирамида» устарела во многом (не более, впрочем, чем «Философия истории» Гегеля). Но понимание Хомяковым задач и методов истории, его исключительное умение раскрыть диалектическую связь между самыми разнообразными явлениями ставят его выше большинства современных нам историков, не говоря уже о теоретиках исторической науки. Хомяков первый вскрыл в религиозном процессе существо процесса исторического. Его знания в области богословия и истории Церкви бесспорны. Он впервые поставил на настоящую почву вековой спор православия с инославием и сумел заставить Запад прислушаться к голосу Русской Церкви.

Хомяков цельный человек. Но он человек сдержанный и скромный. Его «Церковь одна», его три брошюры анонимны. Он пишет их по чувству долга, стараясь не показать себя. Он скромнен потому, что не только целен, но и целомудрен в самом точном и глубоком смысле этого слова. На первый взгляд читателю написанного он кажется тусклым. Но при ближайшем углублении в него обнаруживается, что в этой видимой тусклости есть своя подлинная красота и ровное свечение, что за этой «тусклостью» диалектика, шутя преодолевающая величайшие трудности и подлинное целомудрие.

Хомяков не выносил шаблонных и авторитарных утверждений, безапелляционных высказываний, за которыми скрывались умственная лень и тупое равнодушие. Часто он начинал оспаривать тех, кто, по-видимому, лишь повторял его собственные мысли. Слушатели же думали, что он оспаривает себя самого. Он оказался веселым и насмешливым, хотя и не всегда был таковым. Во время севастопольской осады, в период тяжелых разочарований, на одном вечере, в приятельском кругу, Хомяков был как-то особенно весел и беспечен. Настроение его в эту минуту так резко расходилось с тоном общества, что оскорбило кого-то из близких его друзей, который не без досады обратился к нему с упреком: «Не понимаю, как вы можете смеяться, когда у всех скребет на сердце и обрывается голос от сдерживаемого плача», — Хомяков опустил голову, лицо его приняло выражение серьезное, но в то же время радостное, и, наклонившись к тому, кто сделал упрек, он сказал ему тихо, почти шепотом: «Я плакал про себя 30 лет, пока вокруг меня все смеялось; поймите же, что мне позволительно радоваться при виде всеобщих слез к спасению» *. Слово у Хомякова не расходилось с делом. Он истово соблюдал обряды и посты Православной Церкви. Он не только верил, а и жил по вере, осуществляя то самое единство постижения и деятельности, которое сам называл и уяснял живознание, или веру. Он был действительно живым членом Православной Русской Церкви, раскрывшим в себе ее настоящее и прошлое, ее существо. И уже это одно заставляет нас внимательно вдуматься в его слова о Церкви и ее учении **. Разумеется, его «Опыт о Церкви» есть его индивидуальный труд, а не само учение Вселенской Церкви. Церковь как таковая своего суждения не высказала. Однако нельзя обойти вниманием целый ряд весьма знаменательных фактов.

С одобрения одного из крупнейших русских богословов, московского митрополита Филарета, уже в 1863 г. «Православное обозрение» начало печатать богословские сочинения Хомякова. Один из сотрудников этого журнала о. А. М. Иванцов-Платонов видел в трудах Хомякова «наиболее полное выражение широ-

* Предисловие Самарина ко II т. Сочинений Хомякова. С. XIII сл.

** «Нет сомнения, что глубоким воззрением на предмет христианской веры он обязан весьма обширному, продолжительному и добросовестному изучению Слова Божия и писаний отеческих, и не только этому, но и внутреннему практическому усвоению Истины Христовой сердцем и жизнью». Слова проф. прот. А. В. Горского (Богословский вестник. 1900. № XI. С. 521).

кой православной русской мысли, обогащенной результатами современного научного знания, и приведшей эти результаты к одним общим началам, — началам не произвольно измышленным, а искони представляющим коренное убеждение православного русского человека»³. По мнению редакции, сочинения Хомякова «возбуждают богословскую мысль к самостоятельной работе, они указывают ей новые пути исследования, по которым оно смело и свободно может идти, не опасаясь уклониться от неизменных начал православия». Проф. Н. П. Барсов в статьях своих в «Христианском чтении» решает сопоставить труды Хомякова с творениями св. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского⁴. Барсов говорит об «апостольских» и «святоотеческих» чертах богословствования Хомякова. Само собой разумеется, что мы принимаем эти отзывы, равно как и отзывы многих иерархов, не за мнение Церкви, а за то, чем они являются на самом деле, — за мнения отдельных, хотя и компетентных представителей Церкви и православного богословия.

Мы не скрываем, что в «Трудах Киевской Духовной Академии» проявилось и другое, более сдержанное и опасливое отношение к сочинениям Хомякова⁵. Но нельзя не отметить любопытного факта — Хомяков читал свой «Опыт» двум сельским батюшкам, и они заявили, что только при этом чтении они поняли некоторые таинства, особенно миропомазание, а то, сознавались батюшки, «в семинариях да и в книге Евсевия никакого ясного смысла мы не получили»*.

Кажется, что всем сказанным достаточно выясняется смысл и значение переиздания «Опыта», недавно переведенного на немецкий язык**, и нам не представляется смелым связывать наши чаяния на дальнейшее развитие православного русского богословия с возвращением к богословской традиции Хомякова. Во всяком случае, она более надежный руководитель, чем дилетантские опыты или смелые построения Соловьева и его последователей. Переиздаваемое сочинение Хомякова в рукописи озаглавлено «Церковь одна»; название «Опыт катехизического изложения учения о Церкви» принадлежит издателям сочинений Хомякова: в «Православном обозрении» в 1864 г. труд озаглавлен «О Церкви». Когда написан «Опыт», с точнос-

* Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 324 сл. См.: *Завитневич*. Т. I. С. 35—49; Т. 1. Ч. 2. С. 1043—1051.

** *Oestliches Christentum* / Herausg. von N. von Bubnow und Hans Ehrenberg. Bd. II. München: Beck, 1925.

тью установить нельзя. Самарин сообщает, что «А. С. Хомяков долго держал его в портфеле», и считает его «несомненно» «первым трудом автора по части богословия». Первые сведения об «Опыте» относятся к 1854 г.

В письме к Ю. Ф. Самарину Хомяков хлопочет об издании греческой рукописи, будто снабженной им «маленьким предисловием по-латыни». Эта рукопись и есть «Опыт», который Хомяков называл своим «Исповеданием» и на который смотрел как на завещание Валуева, «который меня понудил этим заняться в надежде на доброе воздействие на Англию». Упоминание об Англии (переписка с Пальмером началась в 1844 г.) и Валуеве, который «никогда не расставался» с рукописью или списком и, может быть, перевел или заказал перевести «Опыт» на греческий язык по согласию с автором, а умер в 1845 г., позволяют датировать рукопись приблизительно 1844—1845 годом. В 1845—46 она ходила по рукам в Москве вместе с русским «переводом», причем имя автора оставалось неизвестным. В 1847 году Хомяков читал ее в Эмсе Гоголю и Жуковскому. Однако при жизни Хомякову не удалось напечатать ее ни России, ни за границей. Он смог лишь утешиться одобрением некоторых духовных лиц (митр. Филарета), нашедших, впрочем, «Исповедание» «к тиснению неудобным и стеснительным». Может быть, и мистификация с греческим языком была вызвана желанием облегчить напечатание*.

Переиздавая «Опыт» по последнему собранию сочинений Хомякова (Т. II. М., 1900. С. 1—26), мы решили в примечаниях сопроводить его параллельными местами из других трудов и писем автора. Надеемся, что это будет несколько способствовать уяснению сжатого изложения «Опыта», хотя в выборе параллельных мест и было необходимо по возможности себя ограничить.

* См.: Завитневич. Т. I. Ч. 2. С. 1034—1043.